

Российская Академия Наук
Институт философии

ЭТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

Выпуск 11

Москва
2011

Ответственный редактор

доктор филос. наук, академик РАН *А.А. Гусейнов*

Ученый секретарь

кандидат филос. наук *О.В. Артемьева*

Рецензенты:

доктор филос. наук *Н.И. Кузнецова*
кандидат филос. наук *П.А. Гаджикурбанова*

В «теоретическом» разделе 11-го выпуска «Этической мысли» представлены статьи, в которых с разных методологических позиций критически оценивается роль общих принципов в морали и подчеркивается значение реальной практики человеческих взаимоотношений как источника моральной императивности. В «историко-философской» части анализируется одно из центральных понятий в этике Аристотеля – понятие величавого и прослеживается его судьба в дальнейшем развитии моральной философии. В этой же части реконструированы основные теоретические проблемы, возникающие в рамках классического утилитаризма; представлен анализ морально-философских взглядов Г.Сковороды. В разделе, посвященном нормативно-прикладным проблемам, в частности, исследуются проблемы климатической справедливости и их особенности, задаваемые российским контекстом.

Содержание

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

<i>Апресян Р.Г.</i> Коммуникативный источник морального долженствования	5
<i>Максимов Л.В.</i> «Коперниканский переворот» Канта в эпистемологии и проблема моральной допустимости лжи.....	30

ИСТОРИЯ МОРАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

<i>Зубец О.П.</i> Megalopsukhos, Magnanimus, Величавый	53
<i>Серебрянский Д.С.</i> Классический утилитаризм: основные теоретические проблемы	90
<i>Александров Л.Г.</i> Этика Г.С.Сковороды в «просвещенную» эпоху «раздвоения» морали	105

НОРМАТИВНАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЭТИКА

<i>Скарантино Л.М.</i> Насилие и великодушие: эпистемный подход.....	120
<i>Прокофьев А.В.</i> Климатическая справедливость: российский контекст	140
<i>Дженкс К.</i> После Беслана: детство, сложность и риск	164
Резюме.....	191
Summary	195
Об авторах.....	197

Table of Contents

ETHICAL THEORY

<i>Apressyan R.</i> Communicative Source of Moral Imperativity	5
<i>Maximov L.</i> Copernican Revolution in Epistemology and the Problem of Moral Permissibility of Lying.....	30

HISTORY OF MORAL PHILOSOPHY

<i>Zubets O.</i> Megalopsykhos, Magnanimus, Great-souled.....	53
<i>Serebryansky D.</i> Classical Utilitarianism: the Main Philosophical Problems.....	90
<i>Alexandrov L.</i> Scovoroda's Ethics in an "Enlightened" era of morality "splitting".....	105

NORMATIVE AND APPLIED ETHICS

<i>Scarantino L.M.</i> Violence and Generosity: An Epistemic Approach.....	120
<i>Prokofyev A.</i> Climate Justice: Russian Context.....	140
<i>Jenks C.</i> After Beslan: Childhood, Complexity and Risk	164
Summary	195
The Authors.....	197

ЭТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Р.Г. Апресян

Коммуникативный источник морального долженствования

Прошедшая некоторое время назад дискуссия о праве лгать¹ оставила открытым не только главный для нее нормативный вопрос: имеет ли человек право на ложь², но и ряд теоретических вопросов и среди них один, давно не дающий мне покоя, – об источнике морального долженствования. Ведь даже если отвлечься от темы права (мнимого или действительного) на ложь, т. е. убрать частную нормативно-этическую проблему, остается общая: что является источником моральной понудительности – общий, абстрактный принцип или конкретная ситуация?

* * *

Во второй книге «Опыта о человеческом разумении» Дж. Локка содержится небольшое, но примечательное рассуждение, редко привлекающее к себе специальное внимание. В наиболее значимой своей части оно состоит в следующем:

¹ Материалы дискуссии опубликованы по итогам нескольких этапов ее развития: Человек. 2008. № 3–4; Логос. 2008. № 5 (переводы некоторых статей оттуда были изданы в: Russian Studies in Philosophy. 2010. Vol. 48. № 3); О праве лгать. М.: РОССПЭН, 2010.

² Как легко увидеть по материалам дискуссии, для подавляющего большинства ее участников ответ был ясен: одни считали, что права такого нет ни при каких обстоятельствах, другие, наоборот, признавали непереносимость такого права. Вопрос остался открытым на уровне самого того дискурсивного события, на выходе из которого мы видим в принципе ту же неопределенность, пусть и качественно более усложненную, что и на входе.

«Хотя люди, соединяясь в политические общества, отказываются в пользу государства от права распоряжаться всею своею силою, так что не могут пользоваться ею против своих сограждан больше, чем позволяет закон страны, однако они все же сохраняют право быть хорошего или плохого мнения о действиях людей, среди которых живут и с которыми общаются, одобрять или не одобрять эти действия. В силу этого одобрения или неприязни они и устанавливают между собой то, что они намерены называть *добродетелью и пороком*»³.

Локк говорит об этом при рассмотрении морали (в широком смысле слова – регуляции/организации поведения вообще) как сферы действий – действий в их отношении к законам. Различая три вида законов, он выделяет среди них, наряду с божественным и гражданским, и закон, по-разному называемый им «философским законом», «законом мнения, или репутации», «законом обычая (fashion), или частного порицания». По Локку, божественный закон устанавливает мерило долга и греха, гражданский – мерило преступления и невиновности, а закон общественного мнения – мерило добродетели и порока. Приведенный фрагмент и раскрывает один из механизмов действия этого закона.

Исследователям философии Локка это высказывание, конечно, известно в качестве одного из моментов локковской мысли как таковой. К нему обращаются иногда те, кто занимается проблемами общественного мнения – ради указания прецедента рассмотрения общественного мнения как фактора поведения. Исследователи же морали это рассуждение не замечают. Неприметчивость специалистов по этике к приведенному рассуждению может быть объяснена возобладавшем в моральной философии кантианством с его культом моральной автономии. Ведь по Локку, моральные решения человека оказываются производными от его реакции на ожидания и оценки окружающих, иными словами, гетерономными, материальными, неуниверсализуемыми. Утверждения, допускающие «гетерономию» в морали, с позиций кантианской этики, могут считаться в лучшем случае выражением теоретической незрелости. Локк не замечен в предтечах не только к Канту, но и к Дж. С. Миллю, хотя он, несомненно, принадлежит ведущей к Миллю традиции. Как теоретик морали Локк числится в истории философии по второму, а то и третьему разряду.

³ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении / Пер. с англ. А.Н.Савина // Локк Дж. Соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 406.

Между тем приведенное высказывание Локка, как и все это рассуждение о законах мнения, или репутации, пусть и не отличается теоретической ясностью и логической четкостью, вскрывает важную особенность морали, характеризуя источник морального должностования.

Примем во внимание свойственные Локку особенности морально-философского мышления, предмет которого шире ожидаемого современным читателем. Ясно, что под понятие гражданского закона у Локка подпадает сфера позитивного права только. Локк подчеркивает, что гражданский закон, во-первых, установлен государством и, во-вторых, установлен государством «для людей, принадлежащих государству». Гражданский закон санкционируется государством с помощью силы, основывающейся на его обязанности «охранять жизнь, свободу и имущество людей, живущих по его законам» и на его власти «отнимать жизнь, свободу и имущество у неповинующегося в виде наказания за нарушение этого закона»⁴. Вместе с тем, перенеся представление о гражданском законе в собственно этический контекст, мы можем разглядеть в нем и тот срез морали, который можно обозначить как социально-дисциплинарный, институциональный и который передается концепцией морали как способа социальной регуляции.

Феномены, называемые Локком «божественным законом» и «законом философским», легко представить имеющими непосредственное отношение к морали в современном смысле слова. «Божественный закон» (вынесем за скобки локковское описание механизма его действия) отражает, с одной стороны, общее и отвлеченное, но выраженное в конкретных заповедях Писания содержание морали, с другой – перфекционистское измерение морали. Его санкции – идеальны. «Философский закон», или «закон мнения, или репутации», отражает коммуникативное измерение морали, и хотя Локк говорит о «законе» и «правиле», мы, имея в виду текст трактата, не можем с определенностью сказать, какое конкретное нормативное содержание этому закону соответствует. В общем плане ясно, что добродетель и порок, задающие рамки действий в соотношении с законом репутации, соответствуют «бо-

⁴ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. С. 406.

жественному закону», о котором Локк в «Опыте» говорит и как о «законе природы»⁵, который посредством «правила правильного и неправильного», направляет людей к всеобщему благу⁶.

Из всех трех законов закон репутации оказывается самым действенным. У него нет того, отмечает Локк, в чем так нуждается закон как таковой, – силы принуждения. И тем не менее «огромное большинство людей руководствуется главным образом, если не исключительно, законами обычая и поступает так, чтобы поддержать свое доброе имя в глазах общества, мало обращая внимания на законы бога или властей», поскольку, продолжает Локк, «от наказания в виде всеобщего порицания и неприязни не ускользает ни один человек, нарушающий обычай и идущий против взглядов общества, в котором он вращается и где хочет заслужить хорошую репутацию»⁷.

А далее обнаруживается самое интересное. С общими представлениями о правильном и неправильном люди вступают в отношения друг с другом. Их интересы могут сталкиваться и вступать в противоречие, однако по закону, установленному государством, они ограничены в праве использования силы; право применения силы узурпировано государством. Но люди могут выражать свои ожидания и высказывать свои впечатления относительно действий других. И они делают это. Приведенный фрагмент Локка содержит замечание: «В силу этого одобрения или неприязни они и устанавливают между собой то, что они намерены называть *добродетелью* и *пороком*». Из него не ясно, *как* устанавливаются добродетель и порок. Но определенно можно сказать, что, в отличие от долга и греха, преступления и невинности, представления о добродетели и пороке формируются в процессе непосредственного взаимодействия людей. Это не продукт деятельности авторитета, божественного или властного; это результат человеческого общения.

⁵ Эволюция понятия Локка «закон природы» кратко охарактеризована мной в статье «Этическая проблематика в “Опыте о человеческом разумении” Дж. Локка» (Историко-философский ежегодник’2006 / Гл. ред. Н.В.Мотрошилова; Отв. ред. М.А.Солопова. М., 2006. С. 140–142).

⁶ Ясно лишь то, что закон репутации основывается на божественном законе, но постоянно «плывущее» у Локка содержание «божественного закона» и «закона репутации» не позволяет дать им однозначную трактовку. Локк не разъясняет соотношение долга и греха, с одной стороны, с правильным и неправильным – с другой; и, далее, последнего с добродетелью и пороком.

⁷ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. С. 408.

Судя по контексту, Локк рассуждает о добродетели и пороке на социальном или коммуниитарном уровне (имея в виду «различные человеческие общества, племена и компании»⁸), а не на коммуникативном. Однако поскольку предмет его внимания в рассуждении – индивидуальный агент, а не коллективный, интерпретация рассуждения в коммуникативном ключе и уместна, и оправданна.

В этом локковском рассуждении не случайно, хотя и настораживающе то, что он говорит в основном не о *действиях* человека, а о его *суждениях* относительно действий других. Локк понимал, что действовать человек может по-разному и, исходя из своих сиюминутных интересов, не всегда принимать во внимание вменяемую ему добродетель. Но оценивать он будет по-другому. Локк считал, довольно простодушно, что «люди, не отказываясь от всякого здравого смысла и от своего собственного интереса, которому они всегда остаются верны, вообще не могут ошибаться и направлять свои похвалы и порицания на то, что в действительности их не заслуживает. Даже те, кто поступал иначе, всегда верно направляли свое одобрение, потому что немногие испорчены до такой степени, чтобы не порицать по крайней мере в других тех недостатков, которые есть и у них самих»⁹. Простая наблюдательность за нравами и характерами не может не показать, что люди, вопреки впечатлениям Локка, именно вследствие верности собственному интересу оказываются не способными на объективное суждение и склонны одобрять в других то, что не соответствует добродетели; впрочем, лишь до тех пор, пока это несоответствие не оборачивается против них самих. Однако, так рассуждая с позиции оценивающего субъекта, Локк в какой-то момент меняет угол зрения и продолжает рассуждение с **позиции человека, оказывающегося предметом оценки других**. И теперь акцент делается на том, что человек стремится к одобрению со стороны окружающих его людей и старается избежать их осуждения.

Подытожим, как же Локк представлял себе действие этого типа организации поведения; в нем можно выделить следующие основные моменты.

⁸ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. С. 407. Словом «компаний» передано английское «clubs». Здесь и далее уточнения в переводе сделаны по изданию: Locke J. An Essay Concerning Human Understanding: With the Notes and Illustrations of the Author, and an Analysis of His Doctrine of Ideas. L.–N. Y., 1894.

⁹ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении. С. 408.

Во-первых, люди не просто одобряют действия, которые считают для себя благоприятными и осуждают противоположные им¹⁰, но и в своих действиях стремятся к тому, чтобы, способствуя благу других, вызвать их расположение и избежать их недовольства.

Во-вторых, люди высказывают одобрение и осуждение не произвольно. У нас нет оснований думать, что Локк намеренно так расположил свое рассуждение, что сначала затронул суждения человека относительно действий других людей, а затем перешел к рассмотрению мотивам действий людей. Никакими комментариями или оговорками этот переход не сопровождается. Тем не менее у этой композиции есть свой внутренний теоретический строй. Локк тем самым фактически эксплицирует взаимность человеческих отношений в их моральном измерении. Представляемая таким образом взаимность не прямая, а так называемая генерализированная, т. е. реализующаяся через последовательные отношения людей как членов некоего сообщества¹¹, но суть дела от этого не меняется. Посредством взаимности, тем более генерализированной, Локк преодолевает возможное допущение партикулярности или релятивности суждений и ожиданий участников коммуникации или членов сообщества и показывает возможности надперсональности откладывающихся в традиции «суждений, максим и манер»¹².

В-третьих, включение возникающих на основе опыта общения суждений, максим и манер в традицию, в культуру данного сообщества, не опосредовано их публичной вербализацией, оно происходит, как говорит Локк «по скрытому и молчаливому согласию»¹³.

¹⁰ Там же. Использование слова «выгода» в русском переводе для передачи «advantage» («преимущество»; «благоприятность») оставляет возможность для восприятия локковского человека в меркантилистском свете.

¹¹ О типах взаимности см.: *Donlan W. Reciprocities in Homer // The Classical World. 1982. Vol. 75. № 3. P. 137–175; Seaford R. Introduction // Reciprocity in Ancient Greece / Eds.: C.G.Normann, P.Waite, R.Seaford. Oxford, 1998. P. 1–11; Tullberg J. On Indirect Reciprocity: The Distinction Between Reciprocity and Altruism, and a Comment on Suicide Terrorism // The American Journal of Economics and Sociology. 2004. Vol. 63. № 5. P. 1193–1212.*

¹² Там же. Уточненный и почти буквальный перевод: «максимы» (maxims) и «манеры» (fashion), вместо «принципы» и «обычай» в русском издании более соответствуют смыслу локковского рассуждения: принципы, если это не принципы тайного сообщества, непременно артикулированы, а обычаи – объективированы и зримы.

¹³ Там же. С. 407.